

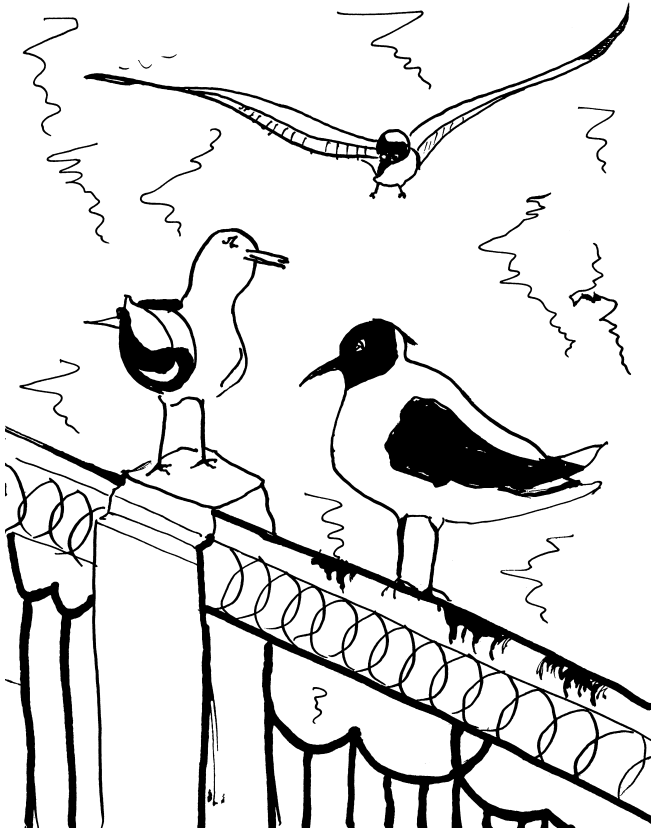

Вэтой книге нет придуманных сюжетов. Все истории произошли со мной или с моими знакомыми. Мне оставалось лишь перенести их на бумагу, чтобы вы смогли унести их с собой. Эта книга способна превратить любое одиночество в приятное уединение: дверь, которая только что была закрыта снаружи, легко откроется вам изнутри.

Искренне ваш, В. Ринат

Про Любовь

За девушкой надо ухаживать. То, что ты пишешь ей день и ночь, еще ничего не решает, считай, что ты просто заполняешь анкету, чтобы устроиться к ней на работу. Я хотел бы устроиться, но учился в школе, в седьмом классе. Люба на два года старше и по идее должна была учиться в девятом. Но для этого она оказалась слишком взрослой и самостоятельной и потому после восьмого класса решила, что знает достаточно, и пошла работать на почту вместо своей матери, которая вышла на пенсию. Вопрос касался не только сознательности. Денег в семье не хватало, а Любе так нравилось быть независимой. На школьных вечерах, где я как всегда играл вместе со своей группой, Люба обычно стояла одна, всем отказывала и никогда ни с кем не танцевала. Я часто смотрел

на нее со сцены, недоумевая, почему самая красивая девушка в округе ни с кем не ходит, как тогда выражались. С каждым таким вечером во мне крепла уверенность, что парня у нее нет.

Этим вечером мы по обыкновению играли битлов и Rolling Stones. В перерыве я набрался наглости, подошел к Любе и дрожащим голосом спросил:

— Почему ты ни с кем не танцуешь?

Люба громко рассмеялась, подарив мне очаровательную улыбку с ямочками на щеках и сказала: «Не с кем. Ты же все время на сцене. Вот я и не танцую!»

— У тебя хорошее чувство юмора, — улыбнулся я.

— А у тебя голос хороший. Он не хороший, он волшебный. У меня мурашки от него по телу. Понимаешь?

Я не понимал, прикалывается она или говорит серьезно. Лицо ее по-прежнему светилось улыбкой.

— Хочешь потанцуем без музыки с тобой?

— Я не умею... То есть я никогда не пробовал, — опешил я от неожиданности.

— Я тебя научу. Одной рукой берешь меня за руку, — взяла она мою руку, — а другой за талию, — положила вторую мою руку на свою талию, и я через ткань почувствовал тепло женского тела. Потом она качнулась, чтобы сдвинуть мое окаменевшее тело, сдернуть с цепей мою оцепеневшую душу. Мы медленно закружились, и у меня закружилась голова. От Любы пахло приятными духами и любовными приключениями.

— Не упали, Джимми, — опять рассмеялась она, закинув на мгновение голову назад. — Ты прикалываешься или тебе правда плохо? Ты весь бледный! — перестала она смеяться. — Давай выйдем, проветримся. Она взяла меня за руку и вывела из танцзала.

Снаружи было прохладно, она в легком платье с открытыми плечами.

На улице я очнулся, пришел в себя, снял свой пиджак, накинул его на эту красоту.

— Я знала, что рано или поздно ты ко мне подойдешь. У меня на этот счет уже заготовлен план: тебе осталось петь минут сорок. Я сейчас уйду, а ты как закончишь, приходи на почту.

Буду тебя ждать. Там в это время никого нет. Ключи у меня с собой в сумочке.

Я отыграл последний сет, на финал залу-дили «Satisfaction» минут на 15. Поручил Сереге захватить мою гитару и пошел на почту, что была в пяти минутах ходьбы от школы.

— Привет, Джимик! — встретила меня вну-три Люба. — Я боялась, что ты не придешь, испугаешься! Я так рада, что ты здесь. Садись на диван. Я сейчас сбегаю домой, кое-что надо принести.

У меня не было выбора. Я сидел и ждал, разглядывая почтовую канцелярию. Стопки газет, журнал «Работница», взгляд мой привлекли марки, выложенные за стеклом приемного окошка. Я подошел и стал рассматривать. 14-й съезд ВЛКСМ с профилем Ленина, Олимпийские игры в Лейк-Плэсиде, серия живописи из Третьяковской галереи. В этот момент вернулась Люба, уже совсем не нарядная, в домашнем платье и сандалиях. Длинные каштановые волосы завязала в хвост. В этой простоте мне она показалась еще красивей. Она не старалась мне понравиться, просто не сомневалась в своей неотразимости. То качество,

которого не хватало многим девчонкам для успеха в личной жизни. В одной руке она держала бутылку болгарского крепленого вина «Тамянка», а в другой обычную акустическую гитару.

— Выпьем за знакомство, — изящно разлила она вино по стаканам. — Мы, конечно, давно друг друга знаем, причем я знаю тебя гораздо лучше, чем ты меня, но заговорили сегодня впервые. Давай за нас!

Мы чокнулись и выпили залпом по полстакана.

— Теперь знаешь за что пьем? За меня! Как меня зовут?

— Люба.

— А полное имя?

— Любовь.

— Правильно, Джимик! Пьем за любовь! Ты знаешь, что такое любовь?

— Нет.

— Как же так? Ты ведь все время об этом поешь.

— А ты знаешь?

— Конечно! Я тебе сейчас расскажу, — поцеловала она меня крепко в губы. Потом так

же резко оставила их и посмотрела на меня очень серьезно.

— Только не подавись, красавчик! Я же не заставляю тебя признаваться мне в любви прямо сейчас! Ты можешь подумать несколько счастливых минут.

— Пока ты будешь мне играть на гитаре и петь? — спросил я. Люба была одна из тех редких девчонок, которые были в ладах с этим сугубо мужским инструментом. Да и голос у нее был приятный, глубокий, как и положено Любви.

— Нет, красавчик, ты будешь играть и петь для меня. Ну пожалуйста! — взяла она мою руку и поцеловала. — Ты сегодня спел свою новую песню. «Девушка танцует». Это же чудо какое-то! Ну спой, я хочу ее услышать еще раз.

Она всучила мне гитару и села на деревянный пол прямо передо мной.

Я запел. Она смотрела на меня, улыбаясь, и в глазах ее были слезы. Искренность светилась кристаллами. Они замерли и не хотели падать.

Когда я закончил, она тут же встала, подошла ко мне и обняла.

— Обожаю тебя, Джимик!.. Только не разочаровывай меня. Скажи, что это песня про меня, для меня, что это твой подарок мне.

Я молча опустил глаза на гитару, провел по струнам рукой, чтобы как-то нарушить эту тягостную паузу. Гитара ответила мне понимающе. Умная женщина.

— Ты пел ее позавчера на дне рождения у Светки. Это было так приятно.

— Ну пел, и что? — посмотрел я на свою Любовь многозначительно.

— А то, что все, кто там был, решили, что ты написал это про меня. И я тоже.

— А почему они так решили? — снова погладил я свою любимую кошку, та мяукнула. всеми струнами своей души.

— А про кого ты еще мог такое написать? — еще очаровательнее улыбнулась Люба. Слез и след простыл. Они высохли, так же незаметно, как роса по утру. — У тебя на глазах все написано, — пыталась она прочесть в моих глазах подтверждение.

Мне снова пришлось спрятать глаза в деку. На самом деле, я сочинил очередную песенку с вымышленной героиней, но в тот момент

мне пришлось соврать. Люба вымолила из меня это вранье во благо. В общем-то, мне было не жалко. Щедрость — еще одна черта, против которой не может устоять ни одна женщина.

— Да, тебе... — улыбнулся я Любе самой честной улыбкой, потому что в моей голове уже крутился мотивчик другой, совсем новой песни, которая по праву будет принадлежать только ей. У каждой любви были свои мотивы.